

Скрипка и кинокамера

Уже четыре года, как постоянной спутницей молодого скрипача Игоря Безродного в гастрольных поездках стала вместе со скрипкой Страдивари лобительская кинокамера. 4000 метров пленки снято в 27 странах мира.

О том, как создавались любительские фильмы, мы попросили рассказать Игоря Семеновича Безродного.

— Я давно мечтал о своей кинокамере — в дороге обычно встречаешь интересных людей, прекрасные пейзажи, и мне хотелось, чтобы мои близкие могли увидеть то, что видел я. В 1954 году, отправляясь в Швейцарию, я захватил с собой новенький съемочный аппарат, чтобы испробовать его на швейцарских пейзажах.

Но вышло так, что на пороге моей кинооператорской «карьер» оказался Чарли Чаплин. Он пригласил меня и пианиста А. Д. Макарова к себе на виллу в городке Вевей.

Весь вечер мы играли для Чаплина. Его удивительные, молодые глаза, мимика, передающая мельчайшие оттенки переживаний, делали для нас понятной его английскую речь раньше, чем ее успевали перевести. Я попросил у

Чаплина разрешения снять его кинокамерой, и он, вопреки своему обыкновению, согласился. К сожалению, из-за моей неопытности эта пленка оказалась негодной. Но, как это нередко бывает, неудача меня не обескуражила, даже напротив. Мне стало ясно, что кинолюбительство — это не только коллекционирование моих сугубо личных впечатлений; иные кадры могут со временем стать ценным «человеческим документом». Поэтому в следующих поездках я себя чувствовал не только скрипачом, но и наблюдателем, обязанным рассказать о самом интересном из виденного.

В 1956 году я в составе бригады советских музыкантов совершил концертное турне по восьми странам Южной Америки. Под ослепительно синим небом тропиков я невольно вспомнил, как в детстве зачитывался книгами о гордых индейцах. Но индейцы, которых я увидел на острове Куба в 1956 году, — сгорбленные, босоногие, в лохмотьях — боязливо проходили мимо роскошных лимузинов, в которых сидели холеные американцы. Пленка навсегда сохранила улицу Гаваны в ее кричащих контрастах,

В Мексике мне сообщили о последнем открытии ученых-археологов: во время раскопок двух огромных густо поросших холмов было обнаружено, что это пирамиды Солнца и Луны, воздвигнутые древним племенем доацтекского периода. Я съездил к месту раскопок и снял эти пирамиды, облицованные сероватым камнем, как будто освещенным изнутри. Кадры, посвященные этим колоссальным сооружениям, намного превосходящим по размеру знаменитую пирамиду Хеопса, заинтересовали советских историков. Открытие мексиканских ученых пролило новый свет на древнюю эпоху Америки.

Весной 1957 года я концертировал в Японии. Удивительно своеобразен облик этой страны, непривычны краски и линии ее городов и пейзажей. Но самыми впечатляющими в фильме, который я привез из Японии, стали кадры, снятые в Хиросиме, в Музее атомной бомбарди-

ровки. Восковые фигуры мучеников, опаленных атомной волной, скорбные реликвии — велосипед, согнутый вдвое, расплавленные монеты... Страшный след оставили в Японии американцы.

На острове Сикоку, близ города Мацуяма, мне показали неизвестное у нас кладбище 99 русских солдат, взятых в плен во время войны 1904—1905 гг.

— Это были люди высокой души, — сказали мне японские друзья, — жители города бережно хранят их память. Здесь, у подножия памятников, построенных на собранные горожанами деньги, всегда лежат свежие цветы.

Но самые дорогие для меня кадры сняты не за границей, а в концертном зале Горловки — городе донецких шахтеров и машиностроителей. Я должен был играть в тот вечер концерт Брамса и, как всегда, ожидая встречи с новой аудиторией, волновался. Ведь у

всякой аудитории свое лицо: любопытное или приветливое, иногда случаемое, недоверчивое, а порой и недобротелательное. Какими окажутся мои сегодняшние слушатели? Чего ждут они от музыки?

Несколько минут я бродил по фойе с кинокамерой и знакомился без слов с людьми, для которых мне предстояло играть.

Они заходили в зал неторопливой, грузноватой походкой, тяжело опустив голову в покое руки. За их сильными, уверенными движениями угадывались романтика суровых шахтерских будней, рюкот комбайнов, вгрызающихся в толщу угольных пластов, черный блеск антрацита и та немногословная, взыскательная любовь к искусству, которая не потерпит ни малейшей фальши... Вот почему самой большой своей операторской удачей я считаю эти кадры, впечатлевшие советских людей-тружеников.